

Агния Кузнецова

**Ночевала
тучка золотая...**

ФТМ

Агния Кузнецова (Маркова)

Ночевала тучка золотая...

«ФТМ»

1970

Кузнецова (Маркова) А. А.

Ночевала тучка золотая... / А. А. Кузнецова (Маркова) —
«ФТМ», 1970

«Они ехали в метро, в троллейбусе, шли какими-то переулками. Она ничего не замечала, кроме Фридриха. – Ты представляешь, где мы? – с улыбкой наконец спросил он. – Нет. Я совершенно запуталась. И удивляюсь, как ты хорошо ориентируешься в Москве. – О! Я достаточно изучил этот путь. Они вошли в покосившиеся ворота. Облупившиеся стены старых домов окружали двор с четырех сторон. Фридрих пошел вперед. Соня едва поспевала за ним. Он остановился около двери, притронулся к ней рукой, не позвонил, не постучал, а просто притронулся, и она открылась. В дверях стоял Людвиг. Потом Соня смутно припомнила, что случилось. Ее сразу же охватил панический страх, сразу же, как только она увидела холодные глаза Людвиг. Фридрих втокнул ее в прихожую, и дверь позади ее бесшумно закрылась. – Если пикнешь... – на чисто русском языке прохрипел Людвиг, показывая острое лезвие. Почти теряя сознание, Соня лязгнула зубами и ошалело подняла кверху руки. Ее втокнули в комнату. Фридрих торопливо схватил ее сумочку, стал вытаскивать деньги. А Людвиг в это время снимал с нее шубку. – Часы. Кольцо не забудь, – сквозь зубы процедил Фридрих, не отрываясь от сумочки. ...»

© Кузнецова (Маркова) А. А., 1970

© ФТМ, 1970

Содержание

1	5
2	8
3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Агния Кузнецова

Ночевала тучка золотая...

1

Антон Веселый свернул в переулочек, где помещалось театральное училище, но путь ему преградила плотная толпа молодежи. Толпа шумела, кричала, прорываясь в глубь переулочка. Задние нажимали, а передние звали к их совести: «Тише! Задавите!»

Работая локтями, Антон попытался втереться в толпу.

– Ты куда, птенец?

– Так двину, что в забор влипнешь!

– Я в училище... на первый тур... – стал объяснять Антон.

– А мы куда? В магазин за бубликами? – огрызнулся красавец парень и действительно двинул Антона так, что он хоть в забор и не влип, но выскочил на середину тротуара и чуть не сшиб с ног выходившую из ворот девушку.

– Сумасшедший, – спокойно сказала она, отступая. Увидев гудящую в переулочке толпу, она улыбнулась и понимающе взглянула на Антона.

«Не глаза, а фонарики...» – про себя отметил Антон. Ему представился темный фон сцены, а на нем сверкают и качаются два горящих веселых фонарика.

– На первый тур? – спросила она. Фонарики прошлись по щуплой фигурке Антона, по его черным волосам, унылыми прядями свисавшим на лоб. Потом они встретились с испуганными, раскосыми глазами Антона, чуть-чуть припухшими, словно бы от бессонницы.

Девушка взяла Антона за руку и повела во двор, из которого только что вышла.

– Дитя мое, – с покровительственной улыбкой сказала она и кивнула на маленькую калитку в глубине двора, – войдешь туда и по черному ходу – в училище. Понял? Там по коридору и наверх пред светлые очи комиссии. Ну, ни пуха тебе, ни пера!

– К черту! – воскликнул Антон и помчался к заветной калитке.

А Нонна Соловьева смотрела ему вслед и вспоминала, как год назад она вот так же мчалась к спасительной калитке, чтобы через нее попасть на первый тур, потому что проникнуть в училище обычным путем, через парадную дверь, было, как и теперь, невозможно.

Семьдесят абитуриентов на одно место! На двадцать мест тысяча четыреста человек, и все они – здесь, в переулочке. Как отобрать из них двадцать (всего только двадцать!) и не ошибиться?..

Рост, ноги, голос, темперамент и даже прикус – все надо учесть. Но главное, есть ли «от бога»? А то, что «от бога», иногда так глубоко запрягано, так закрыто, что и не разглядишь сразу.

Она читала тогда стихотворение «Ночевала тучка золотая...». Было в нем грустное очарование ее собственной первой любви... Она тревожно предчувствовала, что любовь эта, подобно золотой тучке, исчезнет, оставив незабываемый след. Была в этом стихотворении грусть о короткой и неповторимой юности. Еще чудилась Нонне в стихах тоска по друзьям детства, уже потерянным на всю жизнь. И мучительные воспоминания о рано умерших родителях пробуждали эти стихи. И Москву, любимый свой город, видела Нонна в могучем утесе, погружившемся в прекрасную лазурную даль, по которой бродят золотые тучки...

Вот уже целый год размышляет Нонна о том, есть ли у нее «от бога» или она, как многие, как большинство, просто-напросто успешно осваивает школу Станиславского...

Нонна снова вышла в переулочек и, уже не обращая внимания на толпу абитуриентов, направилась к автобусной остановке.

В автобусе она вспомнила смешного мальчишку, которого через двор провела на конкурс, и улыбнулась. Улыбнулась, глядя на какого-то парня и не замечая его. Но он многозначительно ухмыльнулся и на остановке около киностудии выпрыгнул следом за ней. Попробовал было сказать пошленький комплимент... Но она столь блестяще разыграла сцену презрения, что он, обескураженный, оробевший, поплелся назад к остановке.

А Нонна, тоже вдруг оробевшая, вошла во двор киностудии, где должны были делать пробу, увы, уже четвертую в этом году.

«Не везет, – думала она, – то проба получается плохая, то отменяется фильм, то назначается новый режиссер и заменяет актеров». А уверенность в том, что она актриса именно кино, а не театра, ее не покидает. Вот не везет, и только!

Нонна убеждена, что будущность актера зависит только от одного: повезет ему или нет. Сложатся ли обстоятельства так, что на пути окажется т о т с а м ы й режиссер, и будет ли предложена т а с а м а я роль... Она верила в судьбу, только в судьбу.

Но вот Нонна уже на втором курсе, а звезда ее еще не взошла. И взойдет ли когда-нибудь? Все чаще и чаще она теряет уверенность в этом. В училище ее не отличают от других студентов, в киностудиях ролей не дают.

Она сидела перед зеркалом в студии, и гример – женщина неопределенного возраста, сама искусно загримированная, – говорила, ни на минуту не умолкая, о том, что стихия восстает против покорения ее человеком, поэтому в мире наводнения, ураганы, ливни, морозы...

Наложив тон, она замолчала.

Режиссер, которого все звали Игорем, в стандартной замшевой курточке, сказал, прищуривая глаза и разглядывая лицо Нонны:

– Тон сделайте слабее. Слишком большие глаза получились. Они у нее и без того...

Гримерша принялась переделывать лицо Нонны и снова заверещала, теперь уже, наоборот, о величии человека в покорении стихии.

Перед аппаратом, освещенная юпитерами, задыхаясь от жары, Нонна репетировала роль девушки-партизанки. Ей казалось, что режиссер и оператор остались довольны.

Выходя из студии, она неожиданно столкнулась с тем самым мальчишкой, которому указала путь через двор. Она даже испугалась. Ей показалось, что он появился в ее воображении.

– Прочел прозу, стихи, басню. Как прочел – не понял от волнения. Контроль потерял... – сообщил он Нонне.

– А... что ты тут?

– Да так! – отмахнулся мальчишка.

– А ты?

– Да так! – передразнила его Нонна.

Они вышли на улицу.

– Ух ты! Хорошо-то как! – Он воздел руки к небу. И чистое небо с краем, освещенным солнцем, и провода над головой, на которых сидели галки, он мысленно перенес на сцену. – Да, кстати, я – Антон Веселый, а ты?

– Я – Нонна Угрюмая.

– Нет, я же серьезно.

– Ну, тогда Соловьева.

– А почему не Фонарикова? – разочарованно протянул Антон.

Нонна не поняла и пожалала плечами.

Вечер и в самом деле был удивительный. Солнце кидало на землю свой добрый прощальный взгляд. И все – тротуары, дома, макушки деревьев – розовело, загоралось, оживало под этим взглядом.

– Недаром молились и поклонялись светилу в древние времена! – воскликнул Антон, блаженно хмурясь и даже хорошея под солнечными лучами.

Несколько километров они прошли пешком, взахлеб рассказывая друг другу о себе. А потом сели в троллейбус и поехали к Нонне домой.

В тот вечер у Соловьевых Антон познакомился с девяностолетней бабушкой Нонны, в прошлом известной балериной.

Бабушка пришла поглядеть на гостя, одержимая любопытством старого человека, запертого в четырех стенах. Она долго шла от своего кресла до комнаты Нонны, с трудом передвигая больные ноги в клетчатых туфлях. Когда бабушка появилась в дверях – старая-престарая, маленькая и сгорбленная, – Антон вскочил в растерянности.

Она величаво протянула ему сухую руку, с гордостью сказала:

– Марфа Миронова. – И с капризной придирчивостью спросила: – Надеюсь, молодой человек видел меня на сцене?

Ему было всего девятнадцать. Видеть ее он не мог. Он читал о ней книги. Знал из них о ее необычайной красоте и таланте, в свое время потрясавшем людей.

Бабушка медленно повернулась и поплелась назад к своему креслу. В этом кресле она дремала целыми днями... Иногда она смотрела на свои старческие ноги, и ей чудились крепкие стройные ножки в бледно-розовых балетках на пуантах. Разглядывала сморщенные руки свои, и ей казалось, что они вот-вот начнут трепетать крыльями «умирающего лебедя»...

Она вспоминала свое прошлое уже без волнения, будто не о себе вспоминала, а о ком-то другом, постороннем.

За бабушкой ухаживала женщина, тоже старая, но еще бодрая. Когда-то она была билетершей в Большом театре. Она называла себя компаньонкой и гордилась тем, что была свидетельницей былой бабушкиной славы.

А больше у Нонны никого не было. Отец и мать умерли, когда ей едва исполнилось три года.

Впрочем, была еще тетка, сестра отца. Но она давным-давно, еще до второй мировой войны, вышла замуж за немца и уехала в Мюнхен. С тех пор даже слухов о ней не было...

Нонна узнала, что Антон приехал в Москву из Сибири и держит экзамены на режиссерский факультет.

С первого взгляда Антон показался ей необычным. Это впечатление не исчезло и после целого вечера, проведенного вместе, не исчезло и через год. Антон действительно был человеком своеобразным, со своим «царем в голове».

Нонна любила преувеличивать. Поэтому она сразу решила, что Антон гениален. Так она и представляла его своим однокурсникам и знакомым.

Он оказался среди немногих счастливицков: его приняли в училище.

– Повезло! – сказала Нонна.

Антон не согласился. Он считал, что родился на свет режиссером. Его не могли не принять!..

2

Осень. Грустная осень. Как ни пытаются художники опозитизировать ее, все равно это конец тепла, света, ярких красок, ласкающих глаз. Небо хмурое, злое. Мокрые дома и дороги. Нудный шорох неумолкающего дождя.

На скамейку возле училища сел паренек в плаще болотного цвета и таком же берете.

– Не уходи, – сказал он, обращаясь к старушке, проходившей мимо него под зонтом и в резиновых ботах. – Не уходи. Без тебя мне одиноко и даже страшно...

Старушка прибавила шаг, но, взглянув на вывеску, которая была рядом с дверью: «Театральное училище», успокоилась и даже улыбнулась парню.

В вестибюле училища девушка перед зеркалом сперва поднимала правую бровь и опускала левую, а потом поднимала левую и опускала правую.

По лестнице, энергично постукивая каблучками сапог, спешила Александра Антоновна – художественный руководитель второго курса. В черном английском костюме, в белой кофточке, с подсиненными седыми, коротко подстриженными волосами, она вся была тщательно промытой, свежей и бодрой. Невозможно было подумать, что ей больше семидесяти, что вчера после просмотра ее курса кафедра заседала до двух ночи и что уснула она только в четыре часа. А сейчас было без пяти девять. Ее недоспавшие студенты вяло раздеваются в гардеробе, а некоторые опоздают или же вовсе не придут, и потом она обрушит на них свой гнев.

В училище сегодня сенсация. Известный режиссер привез с периферии воспитанницу детского дома, недавно окончившую школу. И ее (подумать только!) без экзаменов зачислили прямо на второй курс.

Все идут разглядывать новую студентку Люсю Бояркину. Ничего особенного нет в ее внешности: небольшая, вертлявенькая. Лицо похоже на лисью мордочку, зеленоватые глаза смотрят с грустной хитринкой. Волосы зачесаны назад и резиночкой высоко собраны в длинный, почти до талии, хвост, тоже смахивающий на лисий – рыжий, пушистый.

Разглядели и одежду: совсем не модное серенькое платье в талию, с черными пуговицами спереди; узконосые, сильно поношенные туфли; чулки – капрон, самые дешевые, и колечко на пальце с аквамаринным камнем. Очень красивое колечко.

Антон посмотрел на эту студентку и сказал однокурсникам:

– Ее приняли сразу на второй курс? Вполне законно! Она уже постигла то, чему безрезультатно учат наших девиц. Что говорили нам о моде на одной из первых лекций, вы помните? Говорили, что торопливо подхватывать моду – дурной тон. Мода должна отстояться. А вы? – обратился он к девушкам. – Бездумные челки, закрывающие самые выразительные и необходимые актрисам человеческие приметы: лоб, брови, глаза. Для мимики остаются лишь нос и рот. Этого слишком мало. Губы белые, как у утопленниц, жуткие, прямо-таки преступные глаза в черном окаймлении. Ну и мини-юбки, конечно! Предвидя это, великий Пушкин сказал: «Едва ль найти в России целой две пары стройных женских ног». Вот и выходит, что не для всех мини-юбки годятся...

Антон подошел к Люсе Бояркиной и назвал ей свою фамилию. Она улыбнулась, оживилась, чуть-чуть даже похорошела. Он отметил это мгновенное превращение, подумал: «Травести!..»

Мимо проходила преподавательница училища – шестидесятилетняя молодая женщина, вся в янтарных украшениях: на шее бусы, на руке браслет, в ушах серьги.

– Ой! – сказала она, останавливаясь и протягивая указательный палец с большим янтарным перстнем в направлении Люси Бояркиной. За сорок с лишним лет сценической деятельности она привыкла играть и в жизни. – Милочка моя, из вас выйдет отличный мальчик. Вы с какого курса?

– Со второго, – растерянно сказала Люся.

– Да. Травести, – вслух произнес Антон и, окончательно разочаровавшись в новой студентке, пошел в аудиторию.

– Я сейчас договорюсь с вашим руководителем, милочка, и попросим вас вечером сыграть в спектакле четвертого курса. У нас заболела исполнительница. Сущий пустячок сыграть. Не волнуйтесь. Ваше имя и фамилия? Отлично.

Она удачно сделала приветливое лицо. Затем так же удачно сделала приветливую улыбку. Антон крикнул:

– Судьба, Люся! Счастливая звезда! Не успела вступить в училище – и сразу дебют!

Дебют состоялся в тот же вечер. И без репетиции. Режиссер, та самая молодящаяся женщина, наскоро объяснила Люсе ее роль мальчишки-газетчика на баррикадах Парижа. Она должна была пробежать по сцене, затем залезть на бочку, перевернутую кверху дном, и, стоя на ней, размахивать газетами, подавая условный сигнал.

Хоть роль и незначительная, но это был первый в жизни выход на настоящую сцену, и Люся волновалась.

Потом она часто вспоминала эти незабываемые минуты. Неповторимый запах сцены, прохлада ее, приглушенный шум зрительного зала, его слепящая темнота и свет на сцене от прожекторов и огней рампы.

С трепещущим сердцем пробежала она по сцене и направилась в глубину ее, к бочке. Но бочки не оказалось. Люся растерянно оглянулась и сделала второй полукруг. Но бочка не появилась. Тогда Люся остановилась и стала размахивать газетой. А в это время за сценой молодящаяся женщина, опершись локтем о сваленные декорации и картинно подперев висок указательным пальцем с тяжелым янтарным перстнем, распекала рабочего сцены за упущение.

Рабочим сцены в училище была тетя Настя – молодая, ширококостная женщина, белолицая и румяная.

– Я что? Я туда-сюда! Голова аж кругом идет! – невразумительно оправдывалась она. – Закрутят ведь эти аскариды, до сотрясения мозгов закрутят!

– Ну зачем так? – брезгливо морщилась молодящаяся женщина. – Аскариды! Это же почти нецензурно!

– Милочка! Благодарю за находчивость, – обратилась она к Люсе, которая с пылающим лицом появилась за кулисами. – В следующей сцене вы выходите вместе с толпой и стоите первая, у самой рампы. Вдали появляются всадники на конях. Все смотрят туда, в их сторону. И вы смотрите, прикрываясь ладонью от солнца. Вот так. – И она, блеснув перстнем и браслетом, показала рукой, как нужно прикрываться от солнца.

Выйти на сцену с другими актерами оказалось гораздо легче, чем одной. И Люся совсем почти не волновалась. Она стояла вполборота, самая первая, ладонью защищая глаза от воображаемого солнца и напряженно вглядываясь в лицо молодого человека, сидящего с левого края в шестом ряду. Позади Люси кто-то говорил громким, сдавленным от волнения голосом:

– Видите – они скачут! Все ближе и ближе!

И вдруг в этот напряженный момент в разных концах зала послышался смех.

Люся не удержалась и оглянулась.

Все актеры, стоявшие сзади, за ней, напряженно глядели в противоположную сторону. Оказывается, воображаемые всадники появились именно там.

Занавес опустился.

– Эх ты, малютка! – со вздохом сказал четверокурсник, играющий главного революционера.

– Ну ничего, ничего, милочка! – утешала Люсю молодящаяся дама, забывшая объяснить ей, в какую именно сторону должен был смотреть мальчишка-газетчик.

Огорчение вскоре забылось. Люся шла из училища и смеялась, вспоминая поиски несуществующей бочки и то, как старательно она разглядывала молодого человека в зрительном зале, когда все актеры смотрели в противоположную сторону.

3

Театральное училище жило своей совершенно особой жизнью. Особой хотя бы уже потому, что здесь собрались фанатики. В общежитиях студенты не замечали холода, проникавшего сквозь выбитые и незаклеенные окна.

Если кто-то из посторонних обращал на это внимание, они изумлялись, заверяли, что немедленно примут меры, и сейчас же забывали об этом. Они забывали обедать и ужинать. Их нисколько не смущало то, что, закончив высшее образование и став актерами, они будут получать намного меньше, чем их сверстники из технических вузов.

Студенты четвертого курса играли в дипломных спектаклях, в одном из которых так неудачно выступила Люся Бояркина. Они раньше времени волновались, самостоятельно пристраиваясь на работу в московские театры и не желая ехать по распределению на периферию.

Студенты первого курса со священным трепетом приступали к изучению актерского мастерства, делая этюды на тему: «Я в каких-то обстоятельствах».

Им чудилось, что в коридорах училища, в его вестибюле их поджидают режиссеры, которые предложат главные роли в кинофильмах или телевизионных спектаклях.

Студенты второго курса начинали репетировать сцены из спектаклей и делали этюды уже «от образа».

В один из воскресных вечеров эти этюды показывали родителям.

Антон тоже был в зале. С утра до вечера он не покидал училища. Его интересовало все, что делалось на всех четырех курсах. Он этим жил.

На сцену вышла Нонна – высокая, с глазами-фонариками, спрятанными под очками. Их не было видно, но Антон знал, что они горят там, за стеклами. Одета она была в сарафан и белую капроновую кофточку, с оборками на груди и на обшлагах.

Она изображала сельскую девушку-дурнушку, которая явилась на танцы в клуб. Нонна села на краешек стула, подавшись вперед, готовая вскочить навстречу любому парню, который почтит ее своим вниманием. Но никто ее не приглашал. И вдруг все же появился этот кто-то... Она, не веря своему счастью, не вскочила, как этого все ожидали, а встала растерянная, неловкая. Хотела положить локоть на плечо воображаемого кавалера, но вспомнила, что она в очках и очки ее портят. Она сконфузилась, сняла очки, спрятала их в сумочку и в вихре вальса, счастливая, унеслась со сцены.

Антон аплодировал Нонне тяжелыми, сочными хлопками. «Здорово!» – сказал он ей взглядом и движением головы, когда она, выйдя, чтоб поклониться, отыскала его в зале. Она верила, что Антон станет таким режиссером, каких еще не было в истории театра. Его похвала была для нее дороже похвалы Александры Антоновны.

На сцене появилась Люся Бояркина. Она теперь была обычной студенткой, решительно ничем не обращавшей на себя внимание.

Многие, вспоминая ее внезапное появление почти в середине года, задавали друг другу вопрос: «Чем же она завоевала покровительство знаменитого режиссера?»

Люся играла роль абитуриентки на первом туре театрального училища.

Волновалась ли она в самом деле или так достоверно передавала состояние абитуриентки, но у нее очень естественно тряслись руки. Она читала стихи с таким смешным завыванием, с таким аппетитом проглатывала окончания и так наивно при этом поглядывала на комиссию, которая будто бы была в зале, что зрители оглушительно хохотали.

Антон изумлялся. Изумлялся тому, как незнакомо преобразилась Люся, выйдя на сцену. «У нее редкий юмористический дар», – подумал Антон.

Когда воображаемая комиссия прервала выступление абитуриентки и стало ясно, что она провалилась, Люся пришла в такое искреннее отчаяние, что снова захватила весь зал.

И Антон опять изумился: теперь перед ним была трагическая актриса.

Досмотрев выступление второго курса, Антон пошел в общежитие, которое помещалось в соседнем доме. Он шел и восстанавливал в памяти каждое движение Люси Бояркиной. Этот удивительный переход от юмора к трагическому. Все остальные выступления показались ему ученическими. Померкла и девушка в сельском клубе, изображенная Нонной.

Дома у Александры Антоновны почти ежедневно шли репетиции. Ее дом, ее библиотека и даже ее заработная плата были отданы ученикам. Книги и деньги она давала по первой просьбе, оставляя за собой право требовать их назад в обещанный срок. Не полагаясь на свою память и тем более на память студентов, она заносила фамилии должников в записную книжечку. И когда она вынимала из сумки эту известную всему курсу книжечку в зеленой обложке, некоторые студенты с артистическим искусством ретировались за дверь.

В тот памятный вечер у Александры Антоновны проходила первая репетиция отрывка из спектакля «Кот Васька вор», который она предполагала сделать дипломным. Нонна играла дворничиху, а главную роль двенадцатилетней девочки исполняла Люся Бояркина. Студенты, занятые в спектакле, пришли все вместе. В большой, душноватой комнате с разбросанными книгами и стульями, непонятно почему стоявшими посередине, их встретила Александра Антоновна. Она, как всегда, была в форме, бодрая и подтянутая.

– Александра Антоновна! А мы вчера видели вас в телефильме. Очень здорово! – поспешил сказать Саша Мележ. Ему показалось, что Александра Антоновна протянула руку к зеленой записной книжке, лежавшей на круглом столе около телефона.

И она, обрадованная похвалой, забыла открыть злополучную записную книжку и в воспитательных целях проверить аккуратность своих студентов.

Репетировали несколько часов подряд. Неутомимая Александра Антоновна почти все время была на ногах.

– Саша, зажимаетесь! – то и дело недовольно восклицала она.

– Нонна, вы старая женщина. Откуда же у вас этот жест?

– Люся, темпераментнее. Вот так!

И она бегала по комнате, стараясь изобразить девочку. Она была на высоких каблуках – и детская походка не получалась.

– Люся, я вами сегодня особенно недовольна, – сказала под конец Александра Антоновна. – Вы, может быть, нездоровы? Я не узнаю вас.

– Я... нет... я здорова, – ответила Люся, и вдруг глаза ее налились слезами, нос покраснел, губы искривила судорога. Она стала очень некрасивой и громко заплакала, совсем как первокласска.

Ее окружили. Стали утешать, допытываться о причине слез.

Александра Антоновна отстранила всех, достала из кармана аккуратно сложенный платок, встряхнула его, показывая, что он чистый, вытерла лицо Люси. И молча стала ждать, что она скажет.

– Я... Я не хочу травести... Я лучше уйду из училища, поступлю в другой вуз... Я не хочу играть девочек и мальчишек. Я не хочу...

– Чем же плохое амплуа травести?! – с возмущением сказала Александра Антоновна. – Плохих амплуа нет. Есть плохие актеры. Да мы и не говорим с определенностью, что вы – травести. Время покажет.

– Но в дипломном спектакле я – травести. И режиссеры будут видеть меня в этой роли... – рыдала Люся.

– Опытный режиссер в любой роли увидит потенциальные возможности актрисы.

– Вы так думаете? – переставая плакать, с надеждой спросила Люся.

– Иначе думать и невозможно! – сказала Александра Антоновна.

Люся поглядела на товарищей. Они молчали. Они думали иначе.

Судорожно вздыхая, Люся начала одеваться. Александра Антоновна заботливо застегнула пуговицы ее пальто, поправила пестрый платочек на голове, выпустила из-под него на волю кокетливую прядку волос. И, делая это, она не переставала убеждать Люсю в ошибочности ее взглядов:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.